

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОЛИГОН: КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА АДАПТИВНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ

© Гут В.В.

Институт адаптивного интеллекта, Москва, Россия
Тюменский государственный университет
valeriy_gut@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5941-8546

© Доценко Е.Л.

Институт адаптивного интеллекта, Москва, Россия
Тюменский государственный университет
dotsenko_e@bk.ru; ORCID: 0000-0001-9651-0555

© Андреева А.А.

Институт адаптивного интеллекта, Москва, Россия
aaandreeva@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9458-5326

© Потемкин С.А.

Тюменский государственный университет
kaizemail.ru@mail.ru; ORCID: 0009-0006-6201-3706

Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта «Фундаментальные проблемы методики разработки и связанного с ней правового и этического регулирования в сфере применения систем и моделей искусственного интеллекта» (FEWZ-2024-0052)

Для цитирования:

Гут В.В., Доценко Е.Л., Андреева А.А.,
Потемкин С.А.

Литературный полигон: культурно-исторический взгляд на адаптивный интеллект // Ученые записки Института психологии Российской академии наук. 2026. Т. 6. № 2(19). С. 13-22.

DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_02_02

Gut V.V., Dotsenko E.L., Andreeva A.A.,
Potemkin S.A.

Literary polygon: a cultural-historical perspective on adaptive intelligence. Proceedings of the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences. 2026, Vol. 6, No2(19), Pp. 13-22.

DOI: 10.38098/proceedings_2026_06_02_02

Научный дискурс культурно-исторической психологии в основном посвящен искусственному характеру знаков и орудий, генезису высших психических функций. И почти не обсуждается привязка к историческому контексту и времени, и содержание того, что усваивается. *Цель* работы — познакомить коллег с методическим приемом, призванным выровнять указанный дисбаланс. *Методика*, получившая название «Литературный полигон», представляет собой матрицу, полученную в результате кодировки (по 166 признакам) с помощью искусственного интеллекта персонажей художественной литературы. Всего было набрано 410 персонажей преимущественно из приключенческой литературы. Кластеризация матрицы по персонажам позволяет выявлять типы героев в зависимости от их способности преодолевать испытания. *Результаты*. Показаны наиболее яркие типы — «Лидеры выживания», «Юные стойкие защитники», «Беглецы от реальности», «Мудрые наставники», «Злодеи, манипуляторы», «Загадочная русская душа». *Обсуждение результатов* содержит квалификационные сужде-

ния о литературном полигоне. В содержательном плане это возможность выявлять образцы для идентификации читателей, что открывает перспективу исследований становления идентичности, отстаивания человеком своей индивидуальности, выполненных в соответствии с культурно-исторической парадигмой. *Выводы* содержат аргументы о том, что литературный полигон обладает признаками нового метода психологии.

Ключевые слова: Культурно-историческая психология, методы психологии, адаптивный интеллект, искусственный интеллект, персонажи художественной литературы, литературный полигон, кластерный анализ

Введение

Наиболее значимые достижения культурно-исторической психологии состоялись в рамках генетической парадигмы: формирующий эксперимент, моделирование процесса овладения культурными средствами (орудиями и знаками). В фокусе исследователей был процесс овладения ребенком рядом высших психических функций, преимущественно когнитивных — вниманием, памятью, отдельными процессами мышления — а затем и двигательными и познавательными умениями и т.п. Золотой арсенал культурно-исторической психологии составили метод двойной стимуляции и поэтапное формирование действий, и множество их модификаций. Важная идея также состояла в утверждении критической роли встречной активности ребенка в процессе своей социализации — усвоения достижений человечества. Ее концептуальное воплощение — теория деятельности.

Однако минимум две темы остались за пределами исследований, хоть они и подпадают под семантику «культурно-историческое». Во-первых, явно непропорционально весомей представлена культурная (общекультурная) проблематика в сравнении с исторической. Принцип историчности декларируется, но все ключевые исследования не локализованы в историческом времени, не зависят от особенностей культурного контекста и исторического момента. Основной научный дискурс посвящен культурному (искусственному) характеру средств: знаков и орудий; и почти не обсуждается их историческая обусловленность, нет привязки к историческому контексту и времени. И, во-вторых, практически все внимание уделено генезису психических функций с использованием знаков и орудий, и почти ничего о содержании того, что именно усваивается, какое содержание предлагается ребенку к овладению, на что направлена его встречная активность.

Встает вопрос о необходимости свежей методической идеи, работающей на заполнение указанных лакун. **Требования к методу** таковы, чтобы он:

- Позволял работать с накопленным в культуре содержанием — с тем, что вмещается осваивать каждому новому поколению.
- Хорошо локализовал это содержание по странам, историческим периодам, по политическим режимам и т.п.
- Способен работать с большими массивами качественного (не цифрового) материала.
- Обладал приемлемой трудоемкостью.
- Давал возможность визуализировать логику работы и результаты.

Адаптивный интеллект как культурно-историческое средство

На протяжении всей истории человечества людей удивляла и восхищала способность выживать в сложных условиях. Выживать не только физически, но и социально, символически. О широком понимании выживания речь шла в мифах о заведомо бессмертных богах — это истории выживания, корни которых уходят в глубокую древность, гораздо раньше, чем эпосы «Илиада» и «Одиссея» Гомера. Образцы поведения героев в ситуациях с задачей на выживание — это социальные конструкты фундаментальной важности. Характеристика «хитроумный Одиссей» высвечивает один из ключевых ресурсов, обеспечивающих выживание. А именно, особого рода интеллект — адаптивный. По результатам ассоциативного исследования (Гут 2023) было показано, что реальность, к которой реферирует термин «адаптивный интеллект», — это ситуации с задачей на выживание. Они получили название «**острые ситуации**». Это ситуации, когда:

- а) проблема возникает внезапно и непредвиденно;
- б) события в ситуации представляют актуальную угрозу для жизни или выживания как личности или группы;
- в) нет готового средства снять угрозу, его требуется еще найти;
- г) время для решения задачи на выживание ограничено — риски и дефициты только растут.

Нарративы о выживании в острых ситуациях — это не просто отдельные истории, а мощные культурные коды, которые формируют коллективные представления о «норме выживания» и одобряемых способах решения проблемы. Эти протомодели, выработанные еще в архаике, модифицируются в художественных нарративах. Их воспроизведение в практике актуализирует адаптивный интеллект, который помогает человеку находить уникальные решения в условиях новых угроз и недостаточных входящих данных о ситуации. Адаптивный интеллект (АИ) представляет собой глубокий, эволюционно значимый процесс, который активируется исключительно в острых жизненных ситуациях. Жестко говоря, нет угрозы — нет и актуализации адаптивного интеллекта. Встает вопрос о необходимости понять суть образцов поведения в острых ситуациях как культурно-исторических средств формирования социально приемлемой активности.

Цель исследования — разработать и оценить методику автоматического (машинного) анализа персонажей художественной литературы, позволяющую выявлять культурно-исторические коды,

Промпты предписывали оценивать указанного персонажа по каждой переменной согласно заданным для переменных шкал (160 из 166 переменных получали балльное выражение). Полученные ИИ результаты по одному персонажу сравнивались с результатами суждений трех экспертов в составе кандидата филологических наук, пишущего литератора с высокой эрудицией в материале и доктора психологических наук. По результату сравнения в промпты вносились коррективы: уточнялись процедуры, регламентировались объемы и формат объяснений, давались определения специальным терминам и т.д. И так итеративно до достижения сходства между оценками экспертов и ИИ. Всего потребовалось оценить 20 персонажей, чтобы ИИ обучился с качеством оценивать героев художественных произведений. Устойчивость результатов оценивалась с помощью повтора заданий в разное время и с помощью разных нейросетей. Апробация происходила на материале выборки, куда входили герои, имеющие, по оценке экспертов, полярные значения по шкалам адаптивного интеллекта (высокая и слабая степень выраженности). Балльное шкалирование дало разницу в измерении параметров, равную единице, что совпадает с разницей при качественном кодировании специалистов. Было выявлено, что нейросеть как инструмент качественного анализа способна выполнить экспертную роль и успешно применить методики анализа нарратива и адаптивности. Это позволяет трактовать модель как надежный (по стабильности оценок) инструмент экспертного типа.

Таким образом, релевантность выбранного материала и надежность методики, обеспечивающей воспроизводимость данных, основаны на тщательных запросах и настройке параметров в сочетании с нашими собственными тестами достоверности и доказательствами того, что ИИ способен воспроизвести межэкспертную оценку, позволяет быть уверенными в надежности создаваемых переменных.

Набор материала в основную матрицу (полигон) происходил поэтапно с шагом по 50 персонажей. Анализ каждого персонажа был реализован с помощью 19 промптов. Результаты по каждому из 19 заданий просматривались на предмет возможных ошибок со стороны нейросети. И лишь после проверки результаты заносились в матрицу. После каждой полусотни строк (персонажей) производилась кластеризация матрицы (по персонажам). Это позволило проследить динамику изменений результатов в зависимости от размера матрицы (количества составивших ее персонажей). Результаты, полученные на первой сотне, смотри в (Андреева, Гут, Доценко, Потемкин, 2025).

Текущая версия литературного полигона насчитывает 410 персонажей:

1. Герои русскоязычной художественной литературы, преимущественно из школьной программы, с жанровым акцентом на приключенческих произведениях — 85 персонажей.

2. Герои европейской (40 персонажей) и североамериканской (35 персонажей) приключенческой художественной литературы — 75 персонажей.

3. Герои популярных книжных и киноселенных (Властелин Колец, Гарри Поттер, Игра Престолов и Звездные войны) — 50 персонажей.

4. Герои народных эпосов и преданий Африки — 50 персонажей.

5. Герои народных эпосов и преданий Южной Америки — 50 персонажей.

6. Герои российских (40 персонажей) и зарубежных (40 персонажей) произведений в жанре даркфэнтези и постапокалипсис — 80 персонажей.

8. Герои фильмов с ярким жанровым акцентом на выживании — 20 персонажей.

Соответственно, размерность матрицы стала 410×166 . Список персонажей постоянно пополняется.

Оценка свойств матрицы (полигона)

Характеристики (свойства) литературного полигона:

1. Постепенное увеличение количества персонажей (с шагом в 50) сохраняет основные группы (типы) персонажей, что указывает на надежность и устойчивость разработанной методики.

2. Характеристики групп персонажей хорошо упорядочены на дендрограмме (подробнее см.: Андреева, Гут, Доценко, Потемкин, 2025, с. 61)

3. Кластеры хорошо толкуются, за редким исключением. Правда, это справедливо лишь для матриц размерностью примерно до 200 строк. Далее устойчивость групп снижается, отдельные персонажи начинают перескакивать из одного кластера в другой. Хотя общие свойства матрицы сохраняются даже при размерности около 400 строк, работать с ней становится труднее. Вероятнее всего потому, что размер матрицы сильно отклоняется от квадратного, т.е. это чисто математический эффект. Впрочем, для исследовательских задач вполне удобна рабочая матрица размером $100-150 \times 160$. Так, можно набрать рабочие матрицы, которые позволят сравнить шаблоны героического поведения, транслируемые, скажем, юным читателям в западноевропейской художественной литературе и в российской, или в западноевропейской и североамериканской.

4. Следовательно, матрица предоставляет материал для организации множества исследований,

используя сортировки по социально-демографическим показателям и другим заложенным в матрицу переменным, любые тематические извлечения (используемые литературными героями средства достижения результатов, ресурсы, состояния, их мотивацию, даже характер использования обоняния и т. п.). А это и есть искомые возможности для культурно-исторической психологии.

Таким образом, инструмент представляет собой литературный полигон (от греч. *polygonos* — многоугольный) — многомерную семантическую площадку, предназначенную для проведения испытаний на материале, полученном в результате переработки литературного (текстового) материала.

Интерпретация результатов

Полученные группы (кластеры) мы рассматриваем как операциональные аналоги конструкторов обыденного сознания:

- как *шаблоны поведения* в острых жизненных ситуациях,
- как *образцы решения* («героического» или не очень) задач на выживание,
- как *типы людей* в зависимости от выраженности у них адаптивного интеллекта.

Обобщение характеристик групп персонажей было выполнено двумя способами:

На основе средних баллов для составивших ее персонажей.

На основе исходных текстов — содержательные характеристики извлекались непосредственно из текстов художественных произведений. На данный момент с помощью нейросети мы провели два таких поиска. Первое касалось стратегий, которыми пользовались вошедшие в данный кластер персонажи, выделение тех стратегий, которые обеспечили решение задачи на выживание и отстаивание. Второе было призвано оценить, какие психические состояния обеспечили решение этой задачи. Полученные содержательные характеристики групп мы рассматриваем как шаблоны поведения в острых ситуациях — образцы для подражания со стороны читателей. В этом качестве мы и обсудим наиболее интересные/выразительные группы персонажей.

Результаты

Получены следующие группы персонажей (типажи):

1. **Лидеры выживания** — **активные выживальщики**. В кластер вошли триумфальные победители, первопроходцы, первопоселенцы. У них самые высокие показатели адаптивного интеллекта — выше 90 баллов из 100, то же по пока-

зателям общественной поддержки (3,1 по шкале $-6\div 6$), и жесткости физической среды ($-4,5$ по шкале $-6\div 6$) — необитаемый остров, дрейфующий в океане плот, тайга, другая планета...

Свое выживание в экстремальных условиях они обеспечивают так:

- быстро берут себя в руки — мобилизуются,
- пошагово операционализируют свою активность, превращая ее в последовательность технических задач,
- борьбу преобразуют в будничную рутину, действуют методично и устойчиво, стабилизируя свое функциональное состояние ритмом ежедневных забот,
- удерживают ясный внутренний стержень — ценности, что позволяет им сохранить человеческое достоинство и смысл существования, подыаться над страданиями.

В целом этот кластер презентует ожидаемый позитивный образец героя, вызывающий симпатию сплав человечности, рациональности, воли, технологичности и адаптивного интеллекта (находчивость, изобретательность, умения).

2. **Юные стойкие защитники** (Щелкунчик, Рон Уизли, Вика Люберецкая). Этот кластер составили не столько «уменьшенные копии» Лидеров выживания, как можно было бы ожидать, а качественно иной тип героя. Как и Лидеры, они справляются с эмоциональным хаосом и переходят к рациональному действию, их победа так же обеспечена сочетанием находчивости и логики с непоколебимым моральным фундаментом. Однако их адаптивный интеллект больше направлен на созидание и сохранение, чем на экспансию или оборону. Способы их победы всегда социальные: они строят связи, приносят жертвы и деконструируют угрозы ради других людей. Уникальность их приемов заключается в том, что они используют свою «юность» (неопытность, слабость) как катализатор для поиска нестандартных решений, которые не приходят в голову более опытным и «закостеневшим» персонажам. Эти герои обладают потенциалом стать лидерами нового типа — теми, кто восстановит мир после катастрофы.

3. **Беглецы от реальности** — **аутсайдеры выживания** (Человек в футляре, Актер, Макар Девушкин, Любовь Раневская, Шариков, Обломов). Эти персонажи во всем проигрывают Лидерам: очень низкие значения адаптивного интеллекта (47,6 из 100), установки на активность и переосмысление ситуации, веры в себя, любопытства, целостности, избыточности. В угрожающей ситуации они не пытаются изменить мир или подстроиться под него, а выходят из игры,

лишая мир возможности воздействовать на них. Для этого используются «экзоскелеты» для психики (халат Обломова, шинель Башмачкина, гаюши Беликова), специфические семантические средства (письма Девушкина, язык цветов Офелии, греческий язык Беликова), закрытые семантические пространства (Обломовка у Обломова, Париж у Раневской, Праведная земля у Актера, Мир циркуляров у Беликова). Так им удается сохранять внутреннюю целостность даже в условиях полного внешнего краха. Эти герои побеждают мир тем, что он перестает быть им нужен, сохраняют «Я» через разрушение внешних связей. Их победа — это триумф небытия над суетой, тишины над словом и «футляра» над открытым пространством. Вероятно, такая парадоксальная привлекательность и находит своих подражателей из числа душевно и/или физически ослабевших читателей.

Между группами Лидеров и Аутсайдеров проявились несколько любопытных кластеров, континуальных по выраженности адаптивного интеллекта. Обсудим некоторые из них.

4. Романтичные девочки в отношениях. Этот кластер выделяется среди остальных. Оказывается, в социальной практике существует и женский вариант испытаний — острые ситуации во взаимоотношениях. Он требует не сурового испытания стихией, но символического, через выстраивание связей в обществе, что, вероятно, можно признать особой стратегией инициации юной девушки. Распространенность и позитивное отношение общества к этому виду испытания поднимает место девочек в дендрограмме, нарушая континуальность показателей адаптивного интеллекта. Не грубая сила или хитрость — на первый план выходят любовь к близким, сострадание и умение вдохновлять окружающих. Их победы достигаются благодаря внутренней доброте и поддержке друзей и семьи. Так, высокое «социальное одобрение» (склонность привлекать на свою сторону людей) становится общим ресурсом: Оля и Яло находят поддержку у зеркальных жителей, Мари заручается доверием крестного и матери, а Элли — помощью Тотошки и новых друзей. Главным ресурсом всех героинь выступает любовь и смелость действовать от нее. В кризисе они быстро переходят в режим борьбы благодаря внутренней решимости, в повседневном режиме эти персонажи работают стабильно, без излишней тревоги, умеют управлять своим страхом и направлять эмоции в конструктивное русло. Таким образом, мы имеем социальную одобряемый образец преодоления острых ситуаций в романтических отношениях.

5. Мудрые наставники. Ни один из этих героев не использует лобовую атаку как основной способ решения конфликта. Они побеждают за счет того, что «видят больше», будь то магические законы, природные циклы или человеческие слабости. Ресурсы: быстрый произвольный вход в критическое состояние, высокий АИ. Действуют исходя из личных стандартов совершенства, их высокая субъектность подпитывается верой в свою правоту. Вместо физической силы у них интеллект: не мышцы, а инсайт. Миссия этих героев — противостоять разрушению привычного им мира. Они последние атланты своих культур (Хогвартса, Средиземья, старой Москвы, традиционной тайги). А призвание — наставничество: даже решая задачу на выживание, они продолжают транслировать опыт (Гарри, Пиппину, внукам, Арсеньеву, Манолину). Победа для этих героев не полна, если она не усвоена следующим поколением. Они не просто «пожилые герои», они стабилизаторы систем, в которых действуют, использующие свои состояния как инструменты тонкой настройки реальности.

Кроме описанных групп в зависимости от размера рабочей матрицы выделяются до 23 и более хорошо интерпретируемых кластеров. Так, например, при 225 персонажах Мудрые наставники разбиваются на две группы: Наставники-дарители (в нее вошли почти исключительно русскоязычные герои) и Наставники-эксперты (только герои западной литературы). Разница в том, что дарители оказывают помощь делами, а эксперты ограничиваются наставлениями.

Из этой же матрицы (225 × 160) выделяется новая группа:

6. Злодеи, манипуляторы, насильники (Гренуй, Грима, Волан-де-Морт, Рамси, Серсея). Группа характеризуется тотально низкими ценностными установками и большим разбросом значений адаптивного интеллекта (в нее вошел Шив Палптин («Звездные войны») — единственный из 410 персонажей, который получил 100 баллов). Здесь находятся злодеи, которые многократно и систематически делают выбор в пользу насилия и зла (поэтому раскаявшийся Раскольников в этот кластер не попал). Мудрые наставники готовят новое поколение героев для борьбы с представителями именно этой группы.

Как видим, метод хорошо подсвечивает культурно-исторические особенности выявляемых групп литературных героев. Для иллюстрации обсудим еще одну группу.

7. «Загадочная русская душа» (Печорин, Базаров, Чичиков, Онегин, Лопухов, Кирсанов, Лойко

Зобар). Кластер отражает русскую литературную традицию в описании пути Героя — отчуждение от норм ради обретения высшей внутренней свободы. Их объединяет «невписанность» в социальную матрицу (высокие значения по шкале «Маргинальность» и низкие по шкале «Легитимность в рамках текущей культуры»). Они способны к высокой мобилизации, но ненадолго, их межличностные и социальные отношения находятся в состоянии разрушающего противоборства, тотальность душевных состояний ведет к отрыву от реальности. Их стратегии выживания — это уроки сохранения человеческого в условиях культурного или экзистенциального кризиса.

Рассматривая персонажей как узлы в многомерном пространстве признаков (интеллект, нарратив, социокультурный контекст), мы используем кластерный анализ как инструмент реконструкции скрытой сети сходств и различий, в которой группировки персонажей отражают устойчивые конфигурации адаптивного интеллекта, что совпало с представлением об интеллекте как социальном конструкте. Структура дендрограммы воспроизводит теоретически ожидаемое упорядочивание: контрольная группа персонажей с минимальной адаптивностью образует отдельный кластер с низкими значениями по всем шкалам, тогда как вершину дерева занимают группы с максимальными показателями адаптивного интеллекта, социального признания и прогрессивности нарративов.

Обсуждение результатов

Как видим, метод литературного полигона открывает возможность группировки персонажей в осмысленные (хорошо интерпретируемые) типажи, которые уместно рассматривать как образцы для идентификации. В той степени, в которой читатель идентифицируется с тем или иным героем, он невольно принимает и большую часть нарратива, описывающего путь этого героя (по механизму ассоциации и запечатления единства человек-в-ситуации). Конструируя свою Я-концепцию (нарратив о себе), он/она использует фрагменты семантически близких историй, перенимая в результате их как имплицитную модель выживания (физического, социального или личностного).

Здесь мы обнаруживаем перспективу для исследований процессов становления и развития идентичности, отстаивания человеком своей индивидуальности, исследований, выполненных точно в соответствии с культурно-исторической парадигмой. То есть используя такие понятия как зона ближайшего развития, ориентировочная основа действия в острой ситуации, характер исполь-

зуемых при этом культурных средств, выявление путей целенаправленного (поэтапного) формирования/преобразования/коррекции таких в полном смысле высших психических функций как личность, индивидуальность, характер, воля и т.п.

Поражает разнообразие полученных в результате математической группировки типажей. Напомним, что исходный материал подбирался по наличию в сюжетах острых ситуаций, актуализирующих адаптивный интеллект. Так что разнообразие указывает на то, что мир художественного вымысла обеспечивает преадаптивный запас прочности перед лицом неопределенности и непредсказанности будущих испытаний. Подобным образом воображение порождает идеи для творчества.

Как метод, литературный полигон — это многомерная семантическая площадка (матрица), обладающая следующими признаками:

1. Содержит результаты оценки (кодировки) N литературных героев, выполненной искусственным интеллектом по заданным K критериям, где N и K заведомо больше 100 (в нашем случае $N=410$, $K=166$).

2. Тематически настраивается на любую предметную область, если эта тема отражена в доступных нарративах; в нашей версии это тексты художественной литературы, содержащие в сюжете острые жизненные ситуации.

3. На массиве заложенных в матрицу произведений и персонажей можно выполнять сортировки, расщеплять матрицу в соответствии с историческими периодами и географическими локализациями. Это открывает возможность выявлять социальные или культурные нормы, локализуя их в историческом времени и географической топике, проводить сравнительный анализ конструктов обыденного сознания в разные времена и в разных странах или на разных континентах.

4. Система связей (сходств) между литературными героями выявляется с помощью кластерного анализа (критерий 1 — Пирсон). Визуализируются связи между персонажами в виде кластерного дерева.

5. Эмпирически выявляемые группировки (кластеры) персонажей рассматриваются как операциональные аналоги конструктов обыденного сознания, эксплицированные авторами литературных произведений. Интерпретируются группы как типы/типажи литературных героев.

6. Содержательная оценка сходств или различий групп литературных героев выполняется:

а) на основе средних групповых показателей по предзаданным критериям,

б) с опорой на исходные тексты (в нашем случае художественных произведений приключенческой литературы) — вручную или с помощью ИИ после соответствующего его обучения.

Выводы

Литературный полигон обладает признаками нового метода в психологии.

– оригинальная идея: большое количество современных + большой массив литературных данных + привлечение нейросети

– нарративы художественной литературы толкуются как культурно-исторические эталоны — то, что становится образцом социального поведения, конструктом обыденного сознания.

– написаны и откалиброваны 32 промпта для предметной области «адаптивный интеллект»; процедура может быть масштабирована на широкий круг предметных областей;

– показана корректность сжатия данных и визуализации результатов с помощью кластерного анализа;

– подобран инструмент интерпретации результатов — понятия из нарративного анализа и сценария инициации.

Внешняя валидность результатов понимается как типологическая: выявленные кластеры пер-

сонажей и факторы (острота ситуации, социальное признание, субъектность, культурная интегрированность) воспроизводят общие положения культурно-исторической психологии и современных концепций адаптивного интеллекта, что позволяет переносить полученные типы на более широкий класс культурных нарративов. Это открывает возможность сопоставлять современные жизненные сценарии с историко-культурными матрицами адаптации, выявляя, какие стратегии продолжают считаться продуктивными, а какие маргинализируются.

Литературный полигон как методический прием открывает путь к созданию нового класса инструментов, которые могут быть одновременно объективными, масштабируемыми и чувствительными к сложным, динамическим аспектам человеческой психики, которые ранее были доступны только через трудоемкие качественные методы. Это создает уникальный «мост» между традиционной, качественной психологией и современными методами обработки больших данных. На основе литературного полигона продолжают поиски новых методических приемов, совокупность которых позволяет говорить о контурах более общего метода, названного «нарративно-поведенческое моделирование».

Литература:

- Андреева А.А., Гут В.В., Доценко Е.Л., Потемкин С.А. Нейросетевой анализ персонажей художественной литературы: оценка адаптивного интеллекта // Вестник Омского университета. Серия «Психология». 2025. № 2. С. 57–67. DOI: 10.24147/2410-6364.2025.2.57-67.
- Барский Ф.И., Гришук А.Г. «Интервью жизненной истории» Д. МакАдамса как метод исследования нарративной идентичности // Журнал практического психолога. 2010. № 5. С. 158–204.
- Гут В.В. Адаптивный интеллект: опыт феноменологической настройки определения // Научное мнение. 2023. № 6. С. 47–57. DOI: 10.25807/22224378_2023_6_47.
- Гут В.В., Доценко Е.Л. Конструирование определений: от манипуляции до адаптивного интеллекта // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2023. № 8. С. 50–58. DOI: 10.37882/2500-3682.2023.08.05.
- Дилтс Р., Делозье Д. Работа с архетипами перехода. В кн. НЛП-2: поколение Next. СПб.: Питер, 2012. С. 176–177.
- Доценко Е.Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. М.: ЧеРо, 1998.
- Евстигнеева Н.В., Оберемко О.А. Модели анализа нарратива // Человек. Сообщество. Управление. 2007. № 4. С. 95–107.
- Колотаев В.А. Путь героя, идентичность и стадии жизненного цикла в киноискусстве // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2021. № 43. С. 75–87.
- Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. СПб.: Питер, 2018.
- Леви-Строс К. Тотемизм сегодня. Неприрученная мысль. М.: Академический проект, 2008.
- Макадамс Д.П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. 2008. № 3. С. 135–166.
- Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь. Создание бренда с помощью архетипов. СПб.: Питер, 2005.
- Маслоу А. Мотивация и личность. СПб.: Евразия, 1999.
- Пропт В.Я. Морфология волшебной сказки. М.: Лабиринт, 2001.

- Рубцов В.В., Зарецкий В.К., Майданский А.Д. Сто лет развития культурно-исторической психологии: веки и направления // Культурно-историческая психология. 2024. Т. 20. № 3. С. 5–11. DOI: 10.17759/chrp.2024200301.
- Сарбин Т.П. Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология. 2004. № 1. С. 6–28.
- Gergen K.J. Narrative, Moral Identity and Historical Consciousness: a Social Constructionist Account. 1998. URL: http://www.swarthmore.edu/sites/default/files/assets/documents/kenneth-gergen/Narrative_Moral_Identity_and_Historical_Consciousness.pdf (дата обращения: 31.03.2026).
- Labov W., Waletzky J. Narrative analysis: Oral versions of personal experience // Helm J. (Ed.) Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society. Seattle: University of Washington Press, 1966. P. 12–44.
- McAdams D.P. Narrative identity // Schwartz S.J., Luyckx K., Vignoles V.L. (Eds.) Handbook of Identity Theory and Research. New York: Springer, 2011. P. 99–115.
- Sternberg R.J. Wisdom, intelligence, and creativity synthesized. New York: Cambridge University Press, 2003.
- Sternberg R.J. The theory of successful intelligence // Interamerican Journal of Psychology. 2005. Vol. 39. № 2. P. 189–202.
- Sternberg R.J. A theory of adaptive intelligence and its relation to general intelligence // Journal of Intelligence. 2019. Vol. 7. № 4. Art. 23. DOI: 10.3390/jintelligence7040023.

LITERARY POLYGON: A CULTURAL-HISTORICAL PERSPECTIVE ON ADAPTIVE INTELLIGENCE

© Valery V. Gut

Institute of Adaptive Intelligence, Moscow, Russia
Tyumen State University
valeriy_gut@mail.ru; ORCID: 0000-0002-5941-8546

© Evgeny L. Dotsenko

Institute of Adaptive Intelligence, Moscow, Russia
Tyumen State University
dotsenko_e@bk.ru; ORCID: 0000-0001-9651-0555

© Anna A. Andreeva

Institute of Adaptive Intelligence, Moscow, Russia
aaandreeva@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-9458-5326

© Sergey A. Potemkin

Tyumen State University
kaizermail.ru@mail.ru; ORCID: 0009-0006-6201-3706

The study was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of the project “Fundamental problems of the methodology of development and related legal and ethical regulation in the field of application of artificial intelligence systems and models” (FEWZ-2024–0052).

The scientific discourse of cultural-historical psychology is mainly devoted to the artificial nature of signs and tools, and the genesis of higher mental functions. However, the connection to the historical context and time, as well as the content of what is being assimilated, is almost never discussed. The *aim* of this work is to introduce colleagues to a methodological technique designed to correct this imbalance. The *method*, named “Literary Polygon”, is a matrix obtained by coding (based on 166 features) literary characters using artificial intelligence. A total of 410 characters, mainly from adventure literature, were collected. Clustering the character matrix makes it possible to identify character types depending on their

ability to overcome trials. *Results*. The most prominent types are shown — “Survival Leaders”, “Young Resilient Defenders”, “Escapists (Fugitives from Reality)”, “Wise Mentors”, “Villains-Manipulators”, and the “Mysterious Russian Soul”. The *discussion* of the results contains qualifying judgments about the literary polygon. In terms of content, it provides an opportunity to identify models for readers’ identification, which opens up prospects for research on the formation of identity and the defense of one’s individuality, conducted in accordance with the cultural-historical paradigm. The *conclusions* contain arguments that the literary polygon has the characteristics of a new method of psychology.

Keywords: Cultural-historical psychology, methods of psychology, adaptive intelligence, artificial intelligence, literary characters, literary polygon, cluster analysis

REFERENCES

- Andreeva A.A., Gut V.V., Dotsenko E.L., Potemkin S.A. (2025). Neural network analysis of literary characters: assessment of adaptive intelligence // Herald of Omsk University. Series “Psychology”. № 2. P. 57–67. DOI: 10.24147/2410-6364.2025.2.57-67.
- Barskii F.I., Gritsuk A.G. (2010). D. McAdams’ “Life Story Interview” as a method of narrative identity research // Journal of Practical Psychologist. № 5. P. 158–204.
- Gut V.V. (2023). Adaptive intelligence: an experience of phenomenological tuning of definition // Scientific Opinion. № 6. P. 47–57. DOI: 10.25807/22224378_2023_6_47.
- Gut V.V., Dotsenko E.L. (2023). Constructing definitions: from manipulation to adaptive intelligence // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Series: Cognition. № 8. P. 50–58. DOI: 10.37882/2500-3682.2023.08.05.
- Dilts R., DeLozier J. (2012). Working with transition archetypes. In NLP-2: The Next Generation. P. 176–177. St. Petersburg: Piter.
- Dotsenko E.L. (1998). Psychology of manipulation: phenomena, mechanisms and protection. Moscow: CheRo.
- Evstigneeva N.V., Oberemko O.A. (2007). Models of narrative analysis // Human. Community. Management. № 4. P. 95–107.
- Kolotaev V.A. (2021). The hero’s journey, identity and stages of the life cycle in cinema // Bulletin of Tomsk State University. Cultural Studies and Art History. № 43. P. 75–87.
- Campbell J. (2018). The Hero with a Thousand Faces. St. Petersburg: Piter.
- Levi-Strauss C. (2008). Totemism Today. The Untamed Thought. Moscow: Academic Project.
- McAdams D.P. (2008). The psychology of life stories // Methodology and History of Psychology. № 3. P. 135–166.
- Mark M., Pearson C. (2005). The Hero and the Outlaw: Building Brands with Archetypes. St. Petersburg: Piter.
- Maslow A. (1999). Motivation and Personality. St. Petersburg: Eurasia.
- Propp V.Ya. (2001). Morphology of the Folktale. Moscow: Labyrinth.
- Rubtsov V.V., Zaretskii V.K., Maidanskii A.D. (2024). One hundred years of development of cultural-historical psychology: milestones and directions // Cultural-Historical Psychology. Vol. 20(3). P. 5–11. DOI: 10.17759/chp.2024200301.
- Sarbin T.R. (2004). Narrative as a basic metaphor for psychology // Postnonclassical psychology. № 1. P. 6–28.
- Gergen K.J. (1998). Narrative, Moral Identity and Historical Consciousness: a Social Constructionist Account. URL: http://www.swarthmore.edu/sites/default/files/assets/documents/kenneth-gergen/Narrative_Moral_Identity_and_Historical_Consciousness.pdf.
- Labov W., Waletzky J. (1966). Narrative analysis: Oral versions of personal experience // Helm J. (Ed.) Essays on the Verbal and Visual Arts: Proceedings of the American Ethnological Society. Seattle: University of Washington Press. P. 12–44.
- McAdams D.P. (2011). Narrative identity // Schwartz S.J., Luyckx K., Vignoles V.L. (Eds.) Handbook of Identity Theory and Research. New York: Springer. P. 99–115.
- Sternberg R.J. (2003). Wisdom, intelligence, and creativity synthesized. New York: Cambridge University Press.
- Sternberg R.J. (2005). The theory of successful intelligence // Interamerican Journal of Psychology. Vol. 39. № 2. P. 189–202.
- Sternberg R.J. (2019). A theory of adaptive intelligence and its relation to general intelligence // Journal of Intelligence. Vol. 7. № 4. Art. 23. DOI: 10.3390/jintelligence7040023.